

Колыбельная для спящих (фрагмент)

Колыбельная для спящих

Марта Милоданович

Колыбельная для спящих (фрагмент)

Марта Милоданович

Серия «Ла Манга», книга 2

Капитан Арвойтус Гота всегда летит на сигнал бедствия, даже если её просят этого не делать. Особенно если просят.

Когда жизнь подкидывает загадки, собственные проблемы уходят на второй план: как спасти шахтёров, на которых уже поставили крест? Можно ли доверять тому, кто уже предавал тебя? Что делать, когда теряешь членов экипажа, ставшего тебе семьёй? Стоит ли обижать того, кто прощает тебе всё?

Арви предстоит узнать, на чём держится весь обжитой космос и какую цену платит за каждый прыжок. Но труднее всего будет решить, что делать с этим знанием, когда на кону жизни тех, кого она любит.

Вторая книга космической саги «Ла Манга».

Бесплатный фрагмент: первые 3 главы. Полная книга — на сайте автора: <https://milodanovich.ru/books/>

Содержание

Глава 1	1
Глава 2	11
Глава 3	20
Продолжение	30

Глава 1

— Я просто немножечко, без давления, хочу уточнить капитанский порядок принятия решений, — не то с сарказмом не то с юмором произнёс Ленни. — Вот то есть если из пустоты приходит неизвестный сигнал, мы летим к нему. А если следом приходит неизвестное предупреждение об опасности, мы летим быстрее?

Он, угловатым палочником с планеты Земля, стоял в проёме рубки, придерживаясь длинными пальцами за косяк. Экзоскелет тихо жужжал в районе коленей, компенсируя тяжесть обода. Форменная куртка инородным артефактом висела у него на локте, и непонятно было, зачем он вообще её прихватил: здесь было жарко, майка липла к лопаткам.

Арви подняла голову от расчёта.

— Предупреждение было личное. Какого черта ты вообще читаешь личные сообщения?

— Тогда всё разумно, раз это личное. Я то боялся, что у нас на борту нарушают инструкции.

Йона фыркнула в кружку и сразу сделала вид, что подавилась водой. Ленни просиял — за сорок минут пересменки он успевал увидеть её меньше, чем Арви видела собственную койку, и тратил это время с отчаянной расточительностью.

— Так то инструкция у нас одна, — с притворной серьёзностью сообщила Арви. — Капитан принимает решение, старпом загружает топливо, пилот рассчитывает, сколько туда лететь.

— А сменщик?

— Сменщик потом всем рассказывает, что предлагал решения получше.

Ленни рассмеялся и отступил от проёма, пропуская Тобиаша, — тот вошёл с планшетом и окинул рубку спокойным взглядом.

— До первого перехода двадцать две минуты. Ленни, левая смена закончилась семь минут назад.

— Я передаю Йоне важные сведения о командовании.

— Передал? Свободен.

Ленни посмотрел на Йону.

— П-передал, — подтвердила она и уткнулась в кружку.

— Жестокий корабль, — сказал Ленни. — Нигде не ценят человека, пока он здесь.

Он ушёл по ободу, и жужжание экзоскелета стихло за поворотом. Как всегда серьёзный, даже когда ситуация этого не требует, Тобиаш положил планшет перед Арви — три слепых перехода выстраивались почти ровным столбиком, между ними зияли сорокачасовые промежутки на остывание машины. Последняя точка лежала за краем знакомых карт, и сигнал оттуда больше не повторялся, хотя «Стриж» продолжал слушать его на всех доступных частотах.

На экране оставалась первая короткая запись: щелчок, выдох, длинный шелест. После неё — координаты, преобразованные бортом из формата, с которым у компьютера вышло явное недопонимание.

— Йона проверила расчёт, — сообщил Тобиаш, пытаясь вникнуть в траектории и цифры.

— Я тоже проверила, — заметила Арви.

— Поэтому я дал его Йоне.

Арви подняла на него глаза, Тобиаш невозмутимо выдержал её взгляд.

— Хорошо, — буркнула она. — А Пиц подтвердил, что узловой связи здесь уже нет?

— Подтвердил пять раз. Последние два были со специфическими выражениями.

— Значит, уверен.

Тобиаш кивнул и занял место у системного пульта. Йона

поставила кружку в держатель и провела ладонями по панели, в эфире её голос зазвучал ровно и чисто.

— Переход через двадцать минут. Всем закрепить свободные предметы. Правая смена остаётся на местах до стабилизации.

По кораблю прокатились ответы — Бажена бодро рапортовала: «Машина готова», Гвидо отозвался через секунду: «Почти готова», после чего они заговорили одновременно, и Тобиаш быстро заглушил их канал.

Арви сдвинула расчёт на край панели.

«Не лети туда». Три слова держались в голове. Митр оставил после себя то, что нельзя сдать портовой службе вместе с контейнером. Разбитую губу. Ямку в камне. Его голос в узком проходе между баками. Руку, поймавшую её над шахтой. Его губы на ее шее.

Арви закрыла расчёт и открыла его снова.

Он пришёл на «Кантип» за камнем, залез в её медицинскую папку, увлёк её, используя образ человека, которого она любила шесть лет, и целовал её, уже собираясь сбежать. А теперь ещё и распорядился, куда ей лететь.

Хуже всего было то, что она скучала — по его паузе перед прямым ответом, по спокойным рукам на ее спине, по тому, как он произносил её имя целиком. Даже злость получалась связью, от которой Митр не мог уйти через технический люк.

Дверь рубки открылась — Мик внёс кружку с водой и сел на свободное место у стены. На нём была тонкая майка Пица, растянутая так, что рисунок на груди расползся в ширину. Пиц был вдвое меньше и в рукавах имел другие потребности, поэтому майка держалась на Мике по чистому упрямству натуральной ткани.

Мик поставил кружку на пол между ними. Вопросов у него сегодня не было.

Арви сняла ремень с крючка и пристегнулась к креслу и прислушивалась, как за минуту до перехода ровный гул «Стрижа» становился глубже. Где-то в кормовой части отозвалась машина, звук прошёл по ободу и лёг в зубы. Арви положила руки на подлокотники. Волосы она крепко собрала в пучок, но одна прядь выбилась. Она сдула ее уголком рта, заметила взгляд

Мика и показала ему кулак.

Йона начала отсчёт.

На последних трёх секундах Арви всегда ждала толчка, хотя знала, что толчка не будет. Слепой переход выпадал из движения, как ступенька, которой ждёшь под ногой и не находишь.

Ступенька пропала.

В затылке щёлкнуло три раза. Чей-то голос выдохнул ей прямо вдоль позвоночника, протянул длинный гласный звук, и следом заговорил второй. Оба звучали далеко, через толщу воды или камня, и Арви различала паузы, обращение, ответ, хотя слова оставались чужими.

Четыре точки под кожей вспыхнули разом. Тело бросилось от них прочь — и осталось пристёгнутым к креслу.

Мик сидел у стены — колено рядом с её креслом, руки скрещены на груди — и смотрел перед собой.

Рубка вернулась целиком: панели мигнули и снова показали цифры, Йона назвала координаты, Тобиаш запросил состояние отсеков. Ответы посыпались в эфир один за другим.

Арви разжала пальцы, на подлокотниках остались влажные следы.

— Переход завершён, — спокойно сообщила Йона.

Мик подвинул кружку носком ботинка. Арви отстегнулась, подняла её и выпила половину. Вода была тёплая.

— Всё штатно, — сказал Тобиаш, когда доклады закончились.

Арви кивнула. Голоса исчезли вместе с пропущенной ступенькой, но под рёбрами всё ещё тянуло, словно она долго бежала.

— Начинаем остывание, — громко произнесла она. — Сорок часов.

* * *

Через шесть часов радиаторы стали тёмно-красными.

Их было видно на внешних камерах, по обе стороны кормы, и Пиц вывел изображение на экран в кают-компании, чтобы все прониклись ответственностью, но никто не проникся. В жилом обode жара поднялась ещё на три деления, форму окончательно

бросили на спинки кресел, а Мару объявила, что до следующего перехода будет носить только майку и трусы.

— Прошу отметить жертву в журнале, — отозвался Ленни, — и на Тессе премировать отдыхом в лучшем баре.

Он сидел на полу, вытянув ноги в экзоскелете вдоль стола. Перед ним лежало поле игры из шести колец, соединённых узкими переходами. Игра называлась «Контрабандисты»: нужно было провести груз от внешнего кольца к центру, покупая проходы, подкупая порт и подсовывая соперникам пустые контейнеры. Пиц утверждал, что правила не имеют отношения к его делам. За десять минут он обманул всех троих и потребовал плату за воздух на четвёртом кольце.

— Воздух общий, — возмутился Эйсар, сидевший у стены, чуть отодвинувшись от остальных. Термальный узор на шее потемнел от жары.

— В жизни общий, — быстро объяснил Пиц. Двумя руками он двигал фишки, третьей держал стакан, четвёртой пересчитывал жетоны. — В игре мой. Я купил фильтры.

— Сам у себя?

— Хорошая сделка не становится хуже от состава участников. Мик перевернул карточку и прочитал:

— «Проверка грузового манифеста. Владелец трёх и более контейнеров теряет ход».

Пиц собрал свои фишки сразу четырьмя руками.

— Эта карточка испорчена.

— Карточке шесть лет, — сказала Арви с порога.

— Все шесть лет испорчена, — огорчённо заныл Пиц.

На Мике по-прежнему была майка Пица. Арви уже собиралась спросить, где он опять растерял собственную одежду (обычно он просто брал первое попавшееся из стирки, но куда девал свое, было загадкой), когда в кают-компанию вошла Ирма с двумя мягкими свёртками под мышкой.

— Дайничик, — позвала она.

Мик поднял голову.

— Я ничего не делал.

— Именно это говорят люди, которых приходится лечить дольше всего. Встань.

Мик послушно выбрался из-за стола, и Ирма сунула ему первый свёрток. В нём оказался тёмно-синий свитер — длинный, плотный, с широкими манжетами, во втором — серо-зелёный, тоньше, с высоким воротом.

— Купила на Тессе, — сказала Ирма. — Оба твоего размера. Твой размер — это когда плечевой шов находится на плече.

Мик развернул синий свитер и посмотрел на неё.

— Зачем два?

— Один ты испортишь.

— А второй?

— Потеряешь.

Мару расхохоталась так громко, что затряслись и тело, и стол. Пиц положил фишки и потянулся к серо-зелёному свитеру.

— Хорошая ткань. Могу провести оценку.

Ирма ударила его свёрнутым рукавом по руке выше локтя.

— Оценишь из медотсека.

— Там прохладнее.

— Уже нет.

Мик натянул синий свитер поверх майки. Ткань села ему точно по плечам, рукава дошли до запястий. Он распрямился, насколько позволяла привычка сутулиться, и повернулся перед Ирмой.

— Ну?

— Сними, пока тепловой удар не получил.

— Ты сама велела надеть.

— Я велела встать.

Мик снял свитер, аккуратно сложил оба на свободном стуле и поцеловал Ирму в сухую щёку. Она оттолкнула его очками, которые держала в руке, и села на его место.

— Я поиграю за тебя, пока ты готовишь ужин.

— Но я так хорошо сегодня играю, — возразил Мик.

— Ты проигрываешь Пицу грузовой отсек.

— Это я так его отвлекаю.

— Успешно, как же, — сказал Эйсар. — Он уже забрал весь твой воздух.

Мик ушёл на камбуз, и через минуту оттуда донёсся грохот крышки. Тула собрала свои карточки и отправилась следом.

Арви видела через открытый проём, как она остановилась у рабочего стола и сказала что-то тихо. Мик, слушая, продолжал резать брусок концентрата, а Тула говорила дольше, чем обычно, потом забрала у него кусок сушёного яблока, получила второй и вернулась к игре.

Позже туда пришёл Ксан. Он проверил ладонью столешницу, сел с краю и молча выпил то, что Мик поставил перед ним. Потом появился Нури, которому требовалась горячая вода и слушатель для жалобы на Ирму. Ирма сидела в трёх шагах и слышала каждое слово.

— Она запретила мне петь в медотсеке, — сказал Нури.

— Я запретила тебе петь одну песню, — отозвалась Ирма. — Это невыносимое нытье группы Мойнаки.

— Она новая и грустная. В этом её чистота.

— В этом её уголовный состав, — буркнула Ирма, не отвлекаясь от игры.

Мик налил ему воды и добавил что-то из маленькой банки, после чего Нури понюхал кружку.

— Это что?

— Для голоса.

К вечеру в кают-компании побывали все, кроме Бажены и Гвидо, которые по очереди дежурили у машины и спорили в общем техническом канале о скорости охлаждения. Мик кормил, разливал воду, находил потерянные жетоны и дважды возвращался в игру, каждый раз обнаруживая, что Пиц продал его контейнеры.

Арви сидела на краю стола и смотрела, как её экипаж потеет, смеётся и ругается из-за нарисованного порта. Тёмно-красные радиаторы висели на экране за их спинами. До следующего перехода оставалось тридцать два часа.

* * *

Второй переход пришёл посреди правой смены.

Арви поспала три часа, приняла утренние таблетки и вернулась в рубку раньше Тобиаша. Мик уже был там. Новый серо-зелёный свитер лежал у него на коленях, потому что

надевать его при нынешней температуре мог только человек с намерением попасть к Ирме.

— Ты его охраняешь? — спросила Арви.

— В каюте Пиц, он же мне его перепродаст потом.

— Разумно.

Мик свернул свитер плотнее и убрал под кресло. Арви проверила ремень, связь и положение корабля. Точка сигнала приблизилась, но на карте всё ещё висела одна, без узла, станции, отметки маршрута или предупреждающего маяка.

«Не лети туда».

Она могла представить Митра в момент, когда он писал. Одна рука в лубке, чужой коммуникатор, технический переход Тессы. Он знал, что она полетит, потому и написал именно так, без надежды, доказательств и просьбы ответить.

Злость помогла пережить отсчёт.

Пропущенная ступенька ушла из-под ноги, и голоса ударили со всех сторон.

Их было около десятка. Один щёлкал быстро, другой тянул звуки, третий повторял короткую последовательность. Они перебивали друг друга и снова сходились. Через этот шум пробивался слабый высокий голос, зовущий кого-то издалека.

Арви дёрнула ремень на груди. Воздух входил коротко и застревал под рёбрами. Чужое внутри неё отозвалось на каждый голос, четыре узла зажглись от поясницы до затылка. Ей хотелось выскрести их из себя вместе с кожей и нервами, оставить на кресле и отойти.

Рядом скрипнула подошва Мика. Он пересел ближе, на пол у её кресла, и опёрся спиной о панель. Его плечо оказалось возле её колена.

Ступенька вернулась. Голоса оборвались.

Мик достал кружку из держателя и отдал ей.

— Свитер помнёшь, — сказала Арви.

— Он переживёт.

— Ирма тебя убьёт.

— Тогда ей придётся признать, что второй был лишним.

Он остался на полу до конца проверки систем, а Арви пила воду маленькими глотками и смотрела на карту. Точка сигнала

была впереди, а позади лежали два слепых перехода и Тесса, до которой уже нельзя было докричаться.

* * *

За вторые сорок часов жара стала частью корабля.

Спали поверх простыней, воду носили с собой, волосы Арви окончательно рассыпались по плечам и спине — в жару это было ужасно неприятно, и она попросила Ирму заплести ей тугие косы. Эйсар сидел в самом прохладном месте у медотсека, и его обходили шире обычного. Бажена работала в короткой майке, открывавшей тяжёлые плечи, и никого на борту уже не занимало, сколько на ком одежды.

Гвидо повесил на дверь их общей каюты записку: «ПРАВЫЙ РАДИАТОР ОТСТАЁТ НА ДВА ДЕЛЕНИЯ».

Бажена дописала снизу: «ДАТЧИК ВРЁТ».

Через час появилась третья строка: «ДАТЧИК ПРОВЕРЕН».

Бажена зачеркнула её и написала: «ПЛОХО».

Мик перенёс «Контрабандистов» на камбуз, где вентиляция тянула чуть сильнее. Йона играла осторожно и за двадцать минут накопила жетонов больше всех. Ленни всякий раз, когда она покупала проход, предлагал ей совместное предприятие, а она краснела, отказывалась и забирала его груз за долги.

— У тебя талант к переговорам, — сказал Мик.

— Я ей поддаюсь.

— Да-да, ты отдал ей три контейнера.

— Вот видишь.

Пиц объявил, что Ленни разоряет игру романтическими мотивами. Тула в ответ возопила, что Пиц разоряет её бухгалтерией. Нури тихо запел про «твой сингулярный вечный голод», и Ирма запустила в него свёрнутой карточкой.

Арви засмеялась вместе со всеми и громко пообещала всех страждущих отвезти на Сиваш на концерт популярной группы, которую спонсировал картель Мойнаки. На несколько минут Митр исчез из головы, карта оставалась в рубке, голоса ждали следующего перехода. Мик пододвинул ей миску, не прерывая спор с Пицем о плате за причал. Она съела всё и не сразу заметила, что тарелка опустела.

Перед третьим переходом никто уже не шутил про сигнал.

Радиаторы остыли до рабочего предела. Бажена подтвердила готовность машины, Гвидо — готовность датчиков. Команда разошлась по местам, и в обode стало тихо.

Мик пришёл в рубку в синем свитере.

— Ты болен? — спросила Арви.

— Здесь холоднее.

В рубке было на полделения прохладнее, чем в коридоре.

— Сними.

Он снял свитер, сложил его и сел рядом с её креслом.

Йона повела отсчёт.

«Не лети туда», сказал Митр у неё в голове.

Арви положила ладонь на ремень. Точка сигнала стояла прямо по курсу.

Ступенька исчезла.

Голоса заполнили всё расстояние от поясницы до затылка. Их были десятки, потом больше. Низкие и высокие, быстрые, тянущиеся, едва слышные. Они говорили одновременно, сходились в один долгий звук и рассыпались снова. Среди них повторялся щелчок из сигнала, тот самый выдох, тот самый шелест.

Арви закрыла глаза. За веками молочный свет шёл по острым ветвям, вросшим в её тело. Каждый узел отвечал множеству голосов, и на короткий миг они звучали совсем близко, словно стояли по другую сторону тонкой переборки.

Мик сидел у её ног.

Переход закончился. Рубка вернулась с гулом вентиляции, светом панелей и голосом Йоны, называвшей координаты.

Арви открыла глаза. На карте точка сигнала стала крупнее. До неё оставался обычный ход.

Мик поднял с пола кружку и собрался подняться. Арви накрыла кружку ладонью.

— Побудь здесь, — попросила она, прикрывая глаза.

Мик кивнул и открыл на планшете изображения планеты Сиваш — розовой, выкупленной картелем Мойнаки для съёмок клипов, отдыха топ-менеджмента, рекламы и концертов. Местные до сих пор спорят, осталось ли там хоть что-то не

розовое, кроме налогов. Мысленно он уже был на том концерте и пел вместе с Нури новые песни группы.

Глава 2

Из звуков в рубке остались только гул вентиляции и частое постукивание пальцев Ленни по подлокотнику.

Обзорный экран посерел, потом собрал звёзды. Йона наклонилась к панели. К её виску прилипла выбившаяся из-за уха прядь коротко стриженных волос.

— Расхождение с расчётной точкой четыре тысячи восемьсот километров, — доложила она чистым эфирным голосом. — Скорость в пределах, объект вижу, дистанция двадцать две тысячи.

Точка на экране разрослась в неровное тёмное тело, и Арви сначала приняла белёсую полосу на краю за освещённый склон. Потом Йона увеличила изображение, и полоса распалась на фермы, баки и низкие корпуса. Станция распласталась по камню, обхватила его трубами и грузовыми галереями. Атмосферу над посёлком удерживало старое гравитационное поле — воздух лежал тонким слоем, почти видимым, и обрывался всего в нескольких сотнях метров от построек. Несколько строений торчали прямо из склона. Над ними поднималась башня частного узла, слишком крупная для такого места.

В рубке все замолчали. Они летели к сигналу бедствия, трижды проваливались в слепой переход и ожидали увидеть повреждённый корабль, погасшие отсеки, обломки. Перед ними висел мёртвый планетоид со станцией, крепко державшейся за его бок.

— У этой скалы лицо как у человека, которому мы должны денег, — сказал Ленни.

Йона опустила глаза к панели, но уголок её рта дёрнулся и выдал улыбку, которую она прятала.

Арви настолько сосредоточилась, что не засмеялась. На внешних камерах горели посадочные огни, а вдоль дока ровными рядами, как праздничные светляки, шли зелёные

метки. Станция видела их, отвечала на запросы и уже передавала коридор сближения.

— Название подтвердили? — спросила она.

— Да, это «Оорт Депот», какая-то малоизвестная добывающая станция. Регистрация действующая, — Йона провела пальцами по экрану. — Они говорят, что сигналов бедствия не подавали.

— Запись им отправили?

— Да.

— И?

Йона помедлила уже вне эфира.

— Говорят, с-сбой старого маяка.

У Арви слегка тянуло между лопатками после перехода, поэтому она упёрлась ладонью в край панели. Запись сигнала лежала в системе «Стрижа»: щелчок, выдох, шелест и координаты. Старые маяки умели ломаться множеством интересных способов, но обычно они выдавали обрывок кода, ложную отметку, непрерывный визг. Этот же словно пытался дышать.

— Заходим, — сказала Арви. — Йона, стыковка твоя. Ленни, сиди рядом и старайся не задолжать планетоиду ещё больше.

— Все нормально, капитан. Они уже видели наш борт и понимают что взять с нас нечего.

«Оорт Депот» принял их с первого захода. Захваты мягко, без скрежета, легли на стыковочное кольцо, внутренний рукав подался навстречу точно по оси. Арви ждала поправки давления, повторной проверки замка или хотя бы ругани в служебном канале. На «Кантипе» даже до аварии стыковка начиналась с двух неработающих датчиков и техника, который бил по створке ногой. Здесь же зелёные огни зажглись один за другим, и внутренняя дверь открылась в назначенную секунду, будто немного кичась точностью и порядком.

В шлюзе одновременно приятно и резко пахло свежей краской: двери, похоже, перекрасили совсем недавно, а серые стены сверкали, будто их вымыли буквально сегодня утром. Поручни смазаны, под решётчатым полом не валялось ни малюсенького кусочка провода, не было ни единого сорванного крепления. Даже жёлтая полоса вдоль дверей шла ровно, без потёртостей от грузовых тележек.

Бажена присела у стыка и провела коротким толстым пальцем по краю уплотнителя. На перчатке осталось прозрачное масло.

— Да не бывает так, чтобы у шахтёров чистота и порядок, не бывает!

Её браслет пискнул. Бажена прочла записку и протянула Арви руку. Гвидо прислал два слова: «Бажена права».

— Сохрани, — хмыкнула Арви. — Второго такого случая не будет.

Ксан стоял у внутренней створки станции. Перед выходом он коснулся заклёпки на «Стриже», потом нашёл глазами ближайшую на чужой стороне и тронул её тоже.

— Две сразу? — спросила Мару.

— Эта станция мне очень, очень не нравится.

Мару поправила ремень сумки с аварийным комплектом. Лицо у неё оставалось невозмутимым, а мышцы уже напряглись сами собой, и тело было готово ко всему — бить, бежать.

Внутренняя дверь ушла в стену. За ней ждала женщина в тёмном костюме с высоким закрытым воротом. Волосы лежали гладко, словно она только что вышла от мастера красоты на Тессе, и ни одна прядь не выбивалась у виска. Рядом стояли двое работников станции в чистых серых комбинезонах. Оба смотрели на «Стриж», потом быстро отводили глаза.

— Капитан Гота, — с изумительно скользкой теплотой протянула женщина. — Сотина Басилика, директор «Оорт Депот». Добро пожаловать. Надеюсь, переход прошёл благополучно.

Улыбка была безупречной, а глаза оставались внимательными и холодными.

— Три перехода, — ответила Арви. — Последний был особенно гостеприимным.

Сотина перевела взгляд на Мару и Тулу и задержала его на аварийных сумках.

— Вы напрасно проделали такой путь. Нам очень жаль, что неисправность маяка подняла спасательную службу.

— Мне тоже будет жаль, если окажется, что мы зря потратили неделю.

— Давайте обсудим это за кофе.

Пиц выскользнул из-за спины Арви прежде, чем она успела решить, брать ли его с собой. Две его руки придерживали планшет, третья уже махала человеку у грузовой консоли, четвёртая показывала на складские маркировки.

— Мне нужен ваш завхоз, полные остатки по воздуху, воде, медицинским смесям и инструменту, отдельно по батареям, фильтрам и крепежу. Вы тут что добываете и кто у вас полезен при аварии?

Работник у консоли растерялся.

— Завхоз в грузовом секторе.

— Отлично, ведите меня к нему.

Пиц ушёл с ним вдоль дока, продолжая спрашивать на ходу.

Мик вытянул шею, рассматривая указатели над дверями.

— А кухня где?

Сотина впервые посмотрела на него с удивлением.

— Второй коридор, помещение двести восемнадцать.

— Мне надо знать, сколько людей мы сможем кормить, если здесь всё-таки есть кого спасать.

— У нас есть собственное снабжение.

— Тогда я быстро.

Он сутулился даже под высокой станционной притолокой. Серо-зелёный свитер Ирмы висел на нём свободно, рукава были закатаны неровно.

— Ксан остаётся у шлюза, — распорядилась Арви. — Баж, проверь соединение. Мару, Тула, со мной.

Сотина повела их по широкому коридору. Светильники горели все до одного, двери открывались сразу, вентиляция работала тихо, а панели доступа были закрыты и опломбированы. На свежей краске у пола сохранились следы валика, зато царапины от тележек уже успели прорезать верхний слой.

Навстречу попались трое шахтёров. Они поздоровались с директором, пропустили гостей и заговорили между собой лишь через несколько шагов. Арви не разобрала слов. Один оглянулся. Сотина тоже заметила и мягко пожелала им хорошей смены. Разговор прекратился.

Кофе ждал в комнате с длинным столом. Стену целиком занимал экран со схемой планетоида: верхние корпуса, шахтные

стволы, сеть тонких линий внутри камня. Нижняя часть схемы была свёрнута.

Сотина сама разлила кофе. Чашки были одинаковые, белые, без сколов. Арви взяла свою и не стала пить.

— Мы проверили журнал после вашего запроса, — сказала Сотина. — Старый резервный маяк дал единичный выброс. Его уже отключили.

— Какой маяк?

— Установленный предыдущим владельцем. Документация сохранилась частично.

— Где он находится?

Сотина коснулась схемы, и в глубине планетоида появилась жёлтая точка.

— В нижнем техническом горизонте. Участок сейчас закрыт.

— Почему?

— Плановое обслуживание.

Пол едва заметно дрогнул. Кофе в чашке пошёл мелкой рябью, а ложка у Тулы звякнула о блюде. Сотина с прежней улыбкой переждала толчок.

— Обычная сейсмика, у нас так каждые три месяца.

Мару поставила чашку.

— Станция на добывающем планетоиде. Вы не ведёте работы во время толчков?

— Автоматика останавливает опасные участки.

— Сейчас остановила?

— Да.

Сотина ответила слишком быстро, потом посмотрела на Арви, проверяя, хватило ли этого. Так же она говорила про маяк и закрытый горизонт. Формулировки были гладкими, отработанными, а взгляд каждый раз возвращался к лицу собеседника. Она не верила ни одному своему слову.

— Нам понадобится журнал маяка и доступ к точке, — сказала Арви.

— Служебные зоны принадлежат компании. Я могу передать вам заверенную копию журнала. Этого вполне достаточно, чтобы закрыть вызов.

— Сигнал пришёл в формате срочной сводки Дальней спасательной службы. Источник мы должны проверить на месте.

— Источник отключён.

— Значит, мешать не будет.

Сотина сложила руки на столе.

— Капитан, на станции нет пострадавших. Жизнеобеспечение исправно. Рабочий цикл продолжается, персонал обеспечен всем необходимым. Ваш корабль потратил огромные ресурсы, и я понимаю ваше желание придать этому полёту смысл. Компания готова компенсировать топливо и время стоянки.

— Хорошее предложение.

— Рада, что вы это понимаете.

— Счёт Пиц пришлёт. После проверки.

Сотина удержала улыбку, а Мару рядом тихо втянула воздух носом и принялась рассматривать схему.

Браслет на запястье Арви разом завибрировал, и экран заполнился значками входящих сообщений: счётчик прыгнул с нуля до сорока, потом выше. За неделю в глухой зоне накопились вызовы с Тессы, письма от Аюды и Ивы, портовые уведомления, документы комиссии, страховка, банк. Общий канал «Стрижа» ожил, кто-то на борту выругался от неожиданности.

Тула проверила свой браслет, а у Мару сообщения сыпались сплошной лентой.

— У вас узел, — сказала Арви.

— Частный, — с устрашающим дружелюбием ответила Сотина. — Только для производственных нужд.

Её глаза скользнули по именам на экране Арви и на долю секунды задержались на отметке Тессы.

— Хорошие новости с Тессы?

Арви погасила экран.

— Новости подождут.

— Разумеется.

Сотина отпила кофе. Вопрос прозвучал легко, почти участливо, но на Арви она теперь смотрела ещё внимательнее.

— Мне нужно подготовить допуск в нижний горизонт, — сказала директор. — Это займёт некоторое время. Можете

осмотреть общие зоны станции. Через двадцать минут вас проводят обратно.

— Через двадцать минут мы вернёмся сюда за допуском.

— Я свяжусь с вами.

В коридоре Тула дождалась, пока дверь комнаты закроется.

— Она собирается дать доступ?

— Собирается занять нас на двадцать минут, — сказала Арви. — Посмотрим, что успеет сделать.

Сообщение Пица прилетело сразу: он аккуратно попросил спуститься в грузовой сектор и добавил, что местный завхоз «полезный, хотя цены понимает неправильно». Арви отправила Мару вперёд, сверилась с указателем и пошла к грузовым лифтам.

Мик нашёл их на пересечении коридоров. Он нёс закрытый контейнер с пробами еды и выглядел оскорблённым.

— Тут не готовят, это показательная кухня.

— Что увидел?

— Четыре плиты и все чистые. Духовка будто только что из магазина. Ножи висят точно по размеру, и главное, на досках почти нет следов. В холодильнике подписанные порции, всё сегодняшним числом. Людей кормят из упаковок, потом раскладывают оборудование для проверки.

— Может, повар любит порядок.

— Повара обычно любят, когда сковорода хоть раз видела жир.

Он пристроился рядом с Арви. Схема эвакуации на стене у лифта была свежая, но угол уже отходил, и кто-то подклеил его прозрачной лентой.

В грузовом секторе порядка было меньше. Между контейнерами стояли тележки, на полу тянулись чёрные следы колёс, в воздухе пахло металлом и горной пылью. Здесь станция наконец напоминала место, где работали.

Пиц сидел на краю низкого ящика рядом с местным завхозом. Двумя руками он держал планшет, третьей — чашку, а четвёртой указывал на таблицу запасов. Увидев Арви, он спрыгнул.

— Воздуха у них много, воды достаточно, медицина закрыта отдельным реестром, батареи меняли неделю назад, фильтры

хорошие, но они считают, что хорошие фильтры должны стоять столько, сколько новый катер. И ещё с тобой хочет поговорить человек.

Завхоз посмотрел в сторону прохода между штабелями. Там ждал старый тяж в рабочем комбинезоне — низкий, широкий, с обветренным лицом и пылью, въевшейся в складки у глаз. Шлем он держал под мышкой, спокойно положив на него руки.

— Пять минут, — сказал завхоз. — Я ничего не слышал.

И увёл Пица к дальнему стеллажу.

Старый шахтёр дождался, пока мимо проедет тележка.

— Вы правда спасатели?

— Дальняя служба. Сигнал пришёл отсюда.

Он облизнул потрескавшуюся губу.

— В нижних горизонтах ходит кто-то, кого не видно, но слышно.

Мару перестала улыбаться.

— Что слышно? — спросила Арви.

— По выработке идёт. Останавливается за спиной. Иногда щёлкает. Люди поворачиваются, там пусто. Камеры пустые тоже. — Он говорил ровно и тихо. — Двое отказались спускаться. Одного перевели наверх. Второго увезли.

— Когда началось?

— После последнего вскрытия.

— Чего именно?

Шахтёр глянул за плечо. В проходе никого не было.

— Спросите директора. Она любит вопросы.

— Не хочет она с нами разговаривать. Были аварии?

— Резаки глохнут, свет пропадает, подъёмник встал между уровнями. Толчки стали чаще. Нам говорят, всё по графику.

От него пахло пылью, потом и крепким станционным мылом. Взгляд оставался ясным. Он понимал, где находится, кому говорит и чем рискует.

Арви вспомнила фигуры в трюме «Стрижа»: серые тела между креплениями и руку, ушедшую сквозь крышку контейнера. В затылке коротко кольнуло.

— Кто ещё это слышал?

— Половина смены. Но говорить об этом не особо хотят, сами понимаете. А еще у нас внизу люди застряли, но про это тоже говорить нельзя.

В дальнем проходе появилась женщина в чистом комбинезоне. Шахтёр надел шлем.

— Я вас не видел, начальница.

Он ушёл к грузовому лифту. Арви проводила его взглядом и ничего не сказала про фигуры.

— Он трезвый, — произнесла Мару.

— Да.

Тула нахмурилась.

— И нормальный.

— Да.

Пиц подбежал к ним, прижимая планшет к груди.

— Завхоз говорит, нижние склады закрыли после отказов техники. Официально профилактика. Люди просят батареи, ручные фонари и механические замки. Механические, Арви. Здесь всё работает, а они хотят засовы.

Браслет снова завибрировал. На этот раз вызывала Сотина.

— Капитан Гота, допуск потребует согласования с владельцем. Сегодня пройти в нижний горизонт не получится.

— Тогда мы подождём до завтра.

Пауза длилась меньше секунды.

— Подобная задержка совершенно излишня.

— Для нас нет.

— В таком случае прошу вернуться в док. Обсудим порядок стоянки.

Связь прервалась.

К шлюзу они шли вместе: Мик нёс контейнер, Пиц на ходу изучал станционные цены, Мару с Тулой держались по сторонам. Люди уступали им дорогу и смотрели вслед. Дважды Арви ловила чужой взгляд, и оба раза человек отворачивался к стене или к браслету.

Сотина встретила их, когда до дока оставался один коридор. Рядом с ней никого не было. Причёска была всё так же безупречна, улыбка тоже.

— Надеюсь, вы нашли всё необходимое.

- Нашла достаточно, чтобы остаться.
- Я уже объяснила положение. Компания ценит работу спасателей, но здесь спасти некого.
- Я проверю сигнал и уйду, если он окажется сбоем.
- Доступ к производственным зонам регулируется владельцем.
- Я подожду согласования.
- Частный узел не предназначен для гостевого трафика. Стоянка ограничена. Снабжение вашего корабля станция обеспечивать не обязана.
- У нас всё с собой.

Они остановились у шлюза. За прозрачной вставкой Ксан стоял возле внутренней двери «Стрижа» и держал ладонь на своей заклёпке. Бажена сидела на корточках у стыковочного кольца. Увидев Арви, она показала большой палец: соединение держалось.

Сотина окинула взглядом всю группу, сумки Мару и Тулы, контейнер Мика, четыре руки Пица с планшетом.

- Желаю вам удачи, капитан Гота.
- Спасибо.

Арви вошла в шлюз последней. Створка станции закрылась плавно и бесшумно, отрезав Сотину с её улыбкой. Ксан запустил выравнивание давления.

Мик поставил контейнер на пол.

- Она нам не рада.

Арви посмотрела через маленькое окно в створке. Сотина ещё стояла снаружи и ждала, пока погаснет зелёный огонь над шлюзом.

- Она нам не верит. И, кажется, за ней стоит кто-то мощный.

Глава 3

Сотина Базилика приняла их в восемь по станционному времени в кабинете над диспетчерской. Одна стена здесь была стеклянной, и за ней внизу двигались погрузчики. Директор сидела прямо; волосы у неё лежали так же гладко, как вчера,

ворот костюма был застёгнут до подбородка. Она предложила Арви кресло, но Арви села на подлокотник.

— Вы обдумали предложение, — не спросила, а уверенно сообщила Сотина. — Компенсация за переход и топливо в полном объёме. Мы понимаем, что маяк ввёл вас в расходы.

— Я представитель Дальней спасательной службы. — Арви положила на стол браслет экраном вверх, чтобы директор видела карточку лицензии. — Вызов пришёл с вашей станции. Спасатель имеет право осмотреть место, откуда пришёл вызов, даже если администрация считает его сбоем. Если осмотра не будет, я пишу в Службу отказ в допуске, и следующий борт придёт к вам уже со страховой.

Сотина посмотрела на браслет, потом на Арви. Губы у неё сложились в ту же безупречную улыбку, что и вчера, а глаза остались внимательными и не потеплели.

— Разумеется, — сказала она. — Мы всегда рады сотрудничеству со Службой. Но нижний технический горизонт сейчас на обслуживании, туда я вас пустить не могу физически, подъёмник не идёт ниже девятого. Рабочие горизонты — пожалуйста. Я дам вам сопровождающего.

— Вы сказали, маяк стоит в нижнем техническом.

— Стоит. Вы увидите, откуда идёт кабель. — Сотина нажала что-то на столе. — Инструктаж в девять. Шлемы и страховка наши, у нас свои требования.

Арви забрала браслет. Уже у двери до неё дошло, что настрояние директрисы она так и не разгадала.

* * *

Тобиаш выслушал её по каналу молча.

— Кто идёт? — спросил он.

— Мару, Тула. Ксан на шлюзе шахты. Я иду сама.

Он ещё немного помолчал.

— Обычно на канале сидишь ты.

— Обычно я знаю, куда их посылаю. — Арви застегнула куртку и сдула с лица прядь. — Мне надо видеть, Тобиаш. Я слышала эту запись раз сорок. Я хочу посмотреть на место, где она кричала.

— Канал держу я, — сказал он тем же ровным голосом. — Каждые десять минут отметка, иначе поднимаю.

Инструктаж вёл сопровождающий — молодой инженер по безопасности в чистом сером комбинезоне. Планшет он держал обеими руками, как поднос. Двадцать минут читал с экрана то, что и так было написано на стенах: пояс пристёгивать к поручню клетки, в выработке не отставать, при потере света стоять на месте и ждать, при толчке садиться у стены. Тула зевнула, не прикрываясь. Мару спросила, как часто бывают толчки, и он, не поднимая глаз, сказал: «По графику».

К шлюзу верхнего горизонта шли через три люка. Перед каждым, прежде чем створка уходила в стену, Ксан касался пальцем ближайшей заклёпки. Инженер это видел. На втором он открыл рот, но, посмотрев на лицо Ксана, спрашивать не стал.

У шлюза Ксан остановился.

— Я здесь, — сказал он. — Если связь пропадёт, я дохожу до клетки и жду. Ниже не иду.

— Никто не просит.

— Я говорю, чтобы ты знала. — Он тронул заклёпку у рамы. — Возвращайся.

* * *

Клеть оказалась решётчатой коробкой на четверых с половиной. Сопровождающий встал у пульта, Мару — у двери, Тула прислонилась спиной к решётке, а Арви досталось место в углу, где из-под пола дуло. Карабины щёлкнули по поручню. Клеть дёрнулась и пошла вниз.

Первые горизонты клеть миновала быстро. Мимо проплывали освещённые площадки с жёлтой разметкой, тележки, люди в касках, кто-то махнул рукой. Потом свет стал реже. Между площадками тянулась голая порода, тёмно-серая, в мелких искрах, и лампы на клетки выхватывали её полосой шириной в ладонь.

На пятом Арви заметила первую жилу. Она наискось шла по стене шахты — молочная, с неровными краями, толщиной в руку, — и на мгновение, когда клеть проходила мимо, внутри

жилы что-то блеснуло, как блестит вода под тонким льдом. Потом жила ушла вверх.

— Это вы добываете? — спросила Арви.

— Это тоже, — ответил инженер. — Основное в отчётах.

Браслет на её запястье показал фон. Цифра была нормальная, потом выросла вдвое, потом упала до нуля и полминуты держалась на нуле, будто вокруг вообще не было камня. Арви повернула запястье к Мару. Та посмотрела на свой браслет, хмыкнула и показала: у неё стоял ровный потолок шкалы.

— Врёт, — сказала Мару весело. — У меня он в последний раз так врал на «Кантипе».

— Здесь все врут, — сказала Тула, глядя на инженера.

Тот сделал вид, что считает горизонты.

На седьмом лампы клетки мигнули раз, потом другой. Во второй раз темнота продержалась дольше, секунды три, и в эти три секунды Арви слышала, как стонут тросы наверху и как Мару медленно выдыхает сквозь зубы. Когда свет вернулся, Тула уже держала в руке фонарь, хотя клеть шла дальше.

Воздух становился тяжелее. Жарко не было, но каждый вдох приходилось будто протаскивать сквозь ткань. Пахло каменной пылью и маслом, а под этим стоял ещё один запах, сладковатый, как у нагретой смолы. Арви почувствовала, как у неё на затылке стягивается кожа, словно кто-то провёл по ней холодной рукой против роста волос.

Жи́лы теперь шли чаще. Они ветвились, сходились, уходили вглубь и выходили снова, и местами порода между ними казалась тоньше их самих. Клеть проходила мимо, лампы скользили по молочным краям, и в жилах опять вспыхивало и гасло. Мигание ламп тут было ни при чём: свет внутри загорался раньше, чем на них падал луч.

— Девятый, — сказал инженер. — Ниже не идём.

Клеть встала, и её качнуло так, что всех четверых мотнуло к решётке. Арви ударилась плечом и не почувствовала.

* * *

Выработка на девятом была длинным низким коридором с креплениями через каждые два шага. Фонари на касках

у шахтёров горели впереди, метрах в сорока, и оттуда шёл ровный гул резака. Инженер провёл их по настилу, указывая рукой в перчатке на стену.

— Кабель маяка идёт здесь. Вниз, на технический. Видите, опломбирован.

Кабель был толстый, старый, в потрескавшейся изоляции, а пломба на коробке — свежая. Мару сфотографировала её браслетом, но снимок вышел чёрным. Мару щёлкнула ещё раз — опять чернота, только в углу кадра шла какая-то полоса.

— Прекрасно, — сказала Мару. — Запишем от руки.

Бригада резала жилу. Их было пятеро, все в касках и масках: двое держали резак, остальные подбирали вырезанное в ящик. Жила здесь выходила на поверхность стены широко, почти во весь рост, и была похожа на застывшую молочную волну. Когда Арви подошла, старший бригады снял маску, кивнул сопровождающему, а на неё долго посмотрел.

— Дальняя спасслужба, — пояснил инженер. — Осмотр. Продолжайте, не отвлекайтесь.

— Мы и не отвлекаемся, — сказал старший.

Резак снова вошёл в жилу.

Это пришло сразу, со всех сторон и изнутри. Арви не услышала звука. В ушах гудел только резак, чуть выше, чем раньше, и Мару говорила что-то Туле. Но её прошло насквозь, от поясницы до затылка, и прошло смыслом, которого она не могла бы сказать ни на одном языке. Там было «больно», и было «режут», и было «не надо», и все эти слова оказались маленькими и неточными рядом с тем, что билось сейчас у неё в костях. Это кричало. Оно кричало так, как кричит ребёнок, у которого в лёгких больше нет воздуха, а крик всё идёт, беззвучно, одним рвущимся напряжением горла.

Она выбросила руку вбок и нашла стену. Под перчаткой оказался шершавый, тёплый камень, а почти сразу — гладкий край жилы. Там, где ладонь легла на жилу, стало хуже. Крик пошёл через руку, через плечо, в грудь, и в груди перестало открываться. Арви тянула воздух, но воздух стоял у губ и не шёл дальше.

Резак визжал. Кто-то из шахтёров смеялся коротко и хрипло

над чем-то своим. Она убрала ладонь с жилы, переставила её на голый камень и держалась, пока колени не перестали подгибаться. Потом вдохнула — рвано и мелко, но воздух дошёл до дна.

Резак вышел из жилы. Кусок молочного камня с неровными краями отвалился в ладони шахтёра, и крик оборвался не сразу: он стих медленно, как стихает звон после удара. Потом осталось тихое, долгое, жалобное, почти на пределе, и в этом было хуже всего: оно не кончилось, оно просто стало тише.

— Арви. — Мару стояла рядом, заглядывала ей в лицо под козырёк каски. — Ты зелёная. Укачало? В клети трясло так, что у меня зубы стучали.

Арви кивнула. Говорить она ещё не могла.

— Воды? — Мару уже расстёгивала сумку с аварийным комплектом.

Арви взяла флягу и сделала несколько маленьких глотков. Вода была тёплая и пахла пластиком. Она держала флягу обеими руками, чтобы не было видно, как они трясутся.

— Клеть, — сказала она наконец. — И воздух. Сейчас пройдёт.

— Тебя же никогда не укачивает, может подхватила заразу какую-то, — с тревогой спросила Тула, глядя на Арви.

Она стояла в двух шагах, скрестив руки, и смотрела на Арви так же, как недавно на инженера.

— Значит, начала. Возраст.

Мару засмеялась и защёлкнула сумку с аварийным комплектом. Тула не засмеялась. Она перевела взгляд на жилу, на кусок камня в ящике, потом снова на Арви, и ничего не сказала.

Резак опять взвыл, и Арви сжалась раньше, чем он коснулся камня. Крик пришёл снова, слабее или ей так показалось, потому что теперь она его ждала. Она стояла, прижимая спину к крепи, и считала вслух для себя, как считала витки лестницы когда-то в шлеме, только здесь некуда было проснуться. Здесь была пыль на губах, тёплая фляга в руках и чужая боль, которая шла сквозь неё и уходила в породу, в соседнюю жилу, в следующую, вниз, туда, куда не шла клеть.

— Сделаем перерыв, — сказала она громко. — Можно с ними

поговорить?

Инженер посмотрел на планшет.

— Десять минут. У них норма.

* * *

Бригада села на ящики у стены, на пустом конце выработки. Шахтёры сняли маски, достали из нагрудных карманов пакеты с едой и ели прямо из них, выдавливая пасту. Старший сел последним. Арви устроилась напротив, на корточках, потому что стоять ей было спокойнее, чем сидеть. Мару присела рядом. Тула осталась стоять.

— Отметка, — сказала Арви в канал. — Девятый. Все целы.

— Принял, — ответил Тобиаш сквозь такой треск, что его голос распадался на слоги.

— Спрашивайте, — сказал старший. — Вы ведь не про кабель пришли.

Инженер стоял у крепи, метрах в пяти, и смотрел на них.

— Вчера наверху мне сказали, что внизу кто-то ходит, — сказала Арви.

Старший кивнул, как кивают на вопрос о погоде на поверхности.

— Ну ходит, да.

— Кто?

— А не видно. — Он выдавил в рот ещё пасты и прожевал. — Но слышно, только не подумайте что мы тут кретины.

— Я точно не подумаю, а что слышно? Шаги

— Шаги... нет, — сказала женщина рядом с ним, худая, с короткими седыми волосами под каской. — Шагов никогда нет. Щёлкает. Вот так.

Она щёлкнула языком три раза, коротко, и замолчала.

— А потом как будто выдыхает, — сказал парень на крайнем ящике. Он был младше всех и ел медленнее всех. — Длинно так. И шуршит.

У Арви холодели пальцы в перчатках.

— Где?

— За спиной, — сказал старший. — Всегда за спиной. Работаешь, а оно встаёт сзади и стоит. Оборачиваешься, никого. Отворачиваешься, стоит. Их просто чувствуешь.

— Иногда воздух трогает, — сказала женщина. — Вот тут.

Она подняла руку и показала на затылок — себе за ухо, под край каски.

— Как будто рядом кто-то наклонился и дышит. Только не тёплым. Никак.

— Камеры его не берут, — добавил парень. — Мы смотрели. Сидели потом, перематывали — мы есть, а его нет, будто мы психи какие. Даже думали, что тут отравлено.

Они говорили без нажима, по очереди, так, как рассказывают, где лучше обедать или у кого из бригадиров тяжёлая рука. Никто не понижал голос и никто не оглядывался. Паста у старшего кончилась, он аккуратно сложил пакет вчетверо и убрал в карман.

— Вы же тут чем-то крепким не балуетесь? — спросила Мару.

Спросила она без злобы, с интересом, и старший ответил так же.

— Неее, здесь нельзя. Контроль на входе в клеть, дуешь в трубку. Надышал лишнего, и смена уходит вниз без тебя, а платят за неё другим. Мы то все тут за деньгами приехали.

— И не спятили, — сказала женщина. — Проверяли нас. Всех, кто жаловался, возили к врачу наверх. Врач сказал, здоровы.

— А тех двоих? — спросила Арви. — Которые отказались?

— Один наверху, на складе. Второй улетел. Сказал, пусть лучше без денег. — Старший пожал плечами. — Его тут никто не осуждает.

— Это не для отчёта, — сказал инженер от крепки.

Шахтёры на него не посмотрели.

— Когда это началось?

— После вскрытия. — Старший кивнул в сторону, куда уходил кабель. — Там внизу вскрыли пласт, ну такой, большой. С тех пор и ходит. Сначала только там, внизу. Потом здесь. Позавчера, говорят, на шестом стоял, у клетки.

— А вы? — спросила Тула. — Вы сами его боитесь?

Парень на крайнем ящике перестал жевать.

— Сначала боялись, — сказал старший. — Потом привыкаешь. Оно ничего не делает. Стоит, щёлкает, смотрит. Ну, как смотрит. Мы так думаем, что смотрит.

— Мне кажется, оно ждёт, — сказала женщина. — Но это мне кажется.

Арви смотрела на её руку, всё ещё лежавшую на колене ладонью вверх, как будто она забыла её опустить. А видела трюм «Стрижа» в красном аварийном свете и то, как одна из фигур подняла руку и опустила её сквозь крышку контейнера, и слышала три щелчка, длинный выдох, уходящий в шелест. У неё коротко и остро кольнуло в затылке, и она не подняла руку потерять это место.

— Спасибо, — сказала она.

— Вы что-то про это знаете, — сказал старший. Он не спрашивал.

— Я знаю, откуда пришёл сигнал, — ответила Арви. — Больше пока ничего.

Он смотрел на неё ещё несколько секунд — так же, как у жилы, когда снимал маску. Потом кивнул и встал.

— Норма, — сказал он бригаде.

* * *

Наверх ехали молча. Резак за спиной снова завыл, когда клеть тронулась, и Арви закрыла глаза. Она держалась за поручень, пока крик не остался внизу, под полом, за слоями породы, и не стал тонким, как нить. Нить не рвалась. Она тянулась за клетью горизонт за горизонтом, и на пятом, где стояла первая жила, Арви ещё чувствовала её под рёбрами.

Лампы мигнули один раз, на седьмом. Браслет показал фон, потом ноль, потом нормальную цифру и больше не менялся.

— Отметка, — сказала Мару в канал, потому что Арви молчала. — Идём наверх. Все целы. Капитана укачало в клетки, но она живая.

— Арви? — спросил Тобиаш. Треска стало меньше, и голос у него был целым.

— Живая, — сказала Арви. — Кабель опломбирован, ниже девятого не пускают. Бригада подтверждает, что после вскрытия пласта в выработке что-то не так. Подробно на борту.

— Принял.

Тула стояла у решётки и смотрела на неё. В тесной клетке отвернуться было некуда, и Арви смотрела на пол, на свои ботинки в серой пыли, считая решётчатые квадраты.

У шлюза верхнего горизонта их ждал Ксан, там же, где его оставили, у рамы. Когда внешняя створка начала уходить в стену, он коснулся пальцем заклёпки, а потом оглядел их всех по очереди, начиная с Арви.

— Ну как? — спросил он.

— Жилы, — сказала Мару. — Огромные жилищи воооот такие, и очень много, и еще врут все приборы разом. Тебе бы там понравилось.

Ксан не улыбнулся. Он смотрел на Арви.

— Что-то ты совсем белая.

— Укачало, — сказала Мару за неё.

Арви сняла каску. Волосы выбились и прилипли ко лбу; она не стала их поправлять. Инженер уже набирал что-то на планшете и отставал от них всё больше. Когда он поравнялся с первым люком на обратном пути, Ксан тронул заклёпку, и створка поехала в сторону.

Арви шла последней. На ладони правой перчатки, там, где она держалась за жилу, осталась белёсая пыль. Арви стряхнула её о бедро, потом ещё раз, пока пыль не ушла в ткань. В голове у неё было уже тихо, а под рёбрами тянулась всё та же нить, тонкая и живая, и она не знала, как эту нить объяснить Тобиашу, Мару, Туле, которая всё ещё оглядывалась на неё через плечо.

На борту её ждал Тобиаш со своим «подробно». Она решила, что расскажет ему про кабель, про пломбу, про пласт и бригаду. Про щелчки тоже расскажет, потому что их слышали Мару и Тула. Про остальное она говорить не будет.

Завтра она пойдёт вниз снова.

Продолжение

Это первые 3 главы книги «Колыбельная для спящих» Марты Милоданович.

Полная книга — на сайте автора: <https://milodanovich.ru/books/>